

УДК 329.78"1980/1990:82-6

«ДЕТИ ПЕРЕСТРОЙКИ»: ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ ШКОЛЬНИКОВ 1980-Х – 1990-Х ГОДОВ

А.С. Ляшок

Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере, 350042, Краснодарский край, г. Краснодар, Садовая, 218
lyashok@inbox.ru

Поднимаются вопросы истории позднесоветского и постсоветского школьного детства. Основу позиции автора составляет убеждение в появлении в 1980-х гг. нового поколения детей – «поколения перестройки». Проблема формирования нового мировоззрения школьников признается одной из ключевых. Социально-исторический контекст детства 1980-х – 1990-х гг. реконструируются через призму детских текстов: школьных сочинений, писем школьников в редакцию газеты «Пионерская правда», дневников школьниц как личных документов, созданных детьми и сохранивших естественный язык, ход мысли и жизненные описания детей изучаемого периода.

Ключевые слова: школьники, школьные сочинения, письма школьников, рукописные дневники.

*«Перестройка. Меняются взгляды.
Это мое ощущение началось еще тогда»
Алексей С. [Школьное детство]:
С. 32.*

Последние три десятилетия в современном российском обществе наблюдаются глубокие социокультурные трансформации, вносящие существенные изменения в жизненные миры не только взрослых, но и детей. Обращение к истории детства в России 1980-х – 1990-х гг. затрагивает вопросы конфликта детства позднесоветского периода и детства 1990-х гг. Переломный исторический период конца XX в. (политика перестройки, распад Советского Союза) формировал новое семантическое поле повседневности российского общества. Прежние ценности уходили, а новые в состоянии общественной аномии еще не успевали сформироваться.

Сегодня поколение школьников 1980-х гг. является одной из социальных групп взрослой части современного российского общества. В связи с этим историко-культурные исследования детства поколений 1980-х – 1990-х гг. открывают возможности для осмысления ценностных ориентаций современного социума и детско-родительских отношений в нем.

В настоящее время имеется немало работ по истории советского детства. Среди них монографии О.П. Илюхи, К. Келли, А.А. Сальниковой, А.Ю. Рожкова, труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности и практики», а также проекта «Антропология советской школы» [Илюха, 2007; Келли, 2007; Сальникова, 2007; Рожков, 2002; Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890-1990), 2008; Ребенок в истории и культуре, 2010; Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики, 2010]. Тем не менее 1980-е – 1990-е гг. остаются пока мало изученным.

Растет в последние годы интерес исследователей к реконструкции советского детства через автобиографии детства, детские тексты (личные дневники, сочинения, письма и другие тексты, созданные самим детьми), открывающие новые ракурсы интерпретации окружающей социокультурной реальности. Этот исследовательский поворот очень точно описывает И.С. Кон: «Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия» [Кон, 1988, с. 62].

Среди исследований, посвященных осмыслению функционирования детских текстов и их возможностей с целью изучения феномена детства, следует отметить работы В.Г. Безрогова, С.Б. Борисова, А.А. Сальниковой, Е.В. Маркасовой, Т.П. Крашенинниковой [Безрогов, 2008; Борисов, 2000; Крашенинникова, 2011; Маркасова, 2010; Сальникова, 2011]. Сегодня историк А.А. Сальникова предлагает дополнить комплекс источников (официальных, личных, вербальных, невербаль-

ных, документальных, нарративных, письменных, устных) оппозицией «детские–взрослые» (источники, созданные самими детьми – источники о детях и детстве, созданные взрослыми) [Сальникова, с. 62]. При этом исследователи видят приоритетность детских текстов как источников личного характера, используемых при изучении процессов детского мира «изнутри» наряду с иной исследовательской перспективой – конструированием детского мира «сверху», через призму документов официального происхождения.

Источники, созданные самими детьми становятся носителями своеобразного «детского дискурса детства», репрезентирующего историю и культуру детства в категориях и смыслах самих детей. Подобного рода тексты встраиваются в общую палитру текстов о детстве и дополняют живыми переживаниями дискуссионную «картину детства» определенной эпохи.

Несмотря на то что история советского детства в России, как было указано, уже более двадцати лет привлекает исследователей, в меньшей степени в фокусе изучения оказалось позднесоветское детство и голоса самих школьников. Между тем поколение детей, чьи школьные годы начались с первой половины 1980-х гг., стало не только свидетелем значительных событий в истории страны, но и первым «пограничным поколением детей». «Пограничным» мы называем это поколение школьников в силу того, что их «школьное детство» началось в одной социокультурной системе и завершилось вступлением на путь молодости, взросления в совершенно иную ценностную систему.

Не случайным нам кажется и то, что с февраля по апрель 1990 г. в СССР было проведено всесоюзное социологическое исследование «Дети, подростки и пионерская организация в условиях перестройки», по итогам которого социологи заговорили о появлении нового поколения детей – «поколения перестройки»: *«В них много от нашего переломного времени, когда стремительно рушатся установившиеся и внушавшиеся детям ценности, когда рождаются новые идейные, нравственные и материальные ориентиры. Этот перелом – налицо в сознании, ценностях, интересах юной части общества»* [Откровенный разговор..., л. 37]. Эти слова принадлежали советским взрослым, которые стали искать ответы на стремительно возникающие со второй половины 1980-х гг. вопросы о будущем подрастающего поколения детей: *«Что происходит в среде детей в наше переломное время революционной перестройки общества. Как представляют себя ребята, которым в ближайшие годы предстоит стать зрелыми и деятельными гражданами обновленного социализма»* [Там же, л. 36]. Массовые опросы советских школьников как раз и были попытками взрослых получить заветные ответы. Однако как сами школьники 1980 – 1990-х говорили о себе? Как в их сознании отражались и осмысливались нормы и паттерны поведения, свойственные позднесоветской и постсоветской культуре? Именно это и обусловило обращение к поиску и анализу школьных сочинений, писем школьников, рукописных дневников, так как личные документы сохранили их естественный язык, мысли, субъективные переживания.

В статье публикуются и анализируются фрагменты личных документов школьников 1980 – 1990-х гг. (сочинений, писем школьников в редакцию газеты «Пионерская правда», рукописных дневников), часть которых была найдена в фонде Российского государственного архива социально-политической истории (материалы отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ, Центрального совета Всесоюзной пионерской организации (ЦС ВПО) им. В.И. Ленина), а часть вошла в личный архив автора в после серии глубинных интервью-воспоминаний относительно школьного детства информантов 1975–1985 года рождения.

Идеология воспитания советского школьника строилась на идее привития ценности труда. Массовые сборы макулатуры, металлолома, субботники, работы в колхозах и летних лагерях труда становились повседневными событиями в жизни школьников и школьниц. Однако анализ писем в редакцию газеты «Пионерская правда» показал, что не все с легкостью принимали и усваивали предлагаемые ценности. С одной стороны имелись примеры трудовых подвигов школьников, с другой – несогласие и видение противоречивости всего происходящего. В частности, те школьницы, которые принимали идею трудовой соревновательности, конкурировали между собой в классе и со сверстниками из параллельных классов. Представляется, что эта группа учеников мыслила и выражала свою позицию так, как в своем сочинении написал ученик 10-го класса средней школы им. Ф. Эшба (Абхазская АССР): *«Накануне нового года наша учительница литературы попросила нас ответить на вопросы анкеты "Пятилетка – мне, я – пятилетке". Мне не пришлось долго думать над вопросом: "О каком дне пятилетки Вы могли бы сказать – большой день моей жизни?"*

Есть такой день и у меня. Это когда я в три раза превысил дневную норму сбора чайного листа. Вместо 10 килограммов чая собрал 30! Ну и что же, что болели руки и спина. Рекорд моего товарища из параллельного класса был побит! Ежедневно подводились итоги. На линейке награждались победители. На этот раз это был я... Моя позиция? – Активная, трудовая! А вкус труда я почувствовал по-настоящему прошлым летом, когда мы подключились к Всесоюзному старту летней трудовой четверти и пошли работать под девизом: "Мой труд вливается в труд моей республики" в Моквский чайный совхоз" [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 41. Д. 916. Л. 108].

Или, к примеру, записи из дневника Евгения З.: «Я в лагере труда и отдыха "Ястребок". Здесь мы не сидим сложа руки. Совхоз "Красное знамя" доверил нам 5 гектаров брюквы. Мы дружно идем на прополку. Хочется сильно пить. Солнце немилосердно жжет наши спины. Бывает минутное желание бросить тяпку, забраться в тень, растянуться и уснуть безмятежно. Но нет, мы преодолеваем минутную слабость. Осот нам кажется сказочным Змеем Горынычем, лебеда, сурепка, хвоц полевой – "черной силушкой". Ура! Одержана победа! Заработанные деньги перечислены в фонд Мира» [РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 41. Д. 916. Л. 27].

Однако, как было отмечено ранее, не все вдохновлено шли на трудовые мероприятия. Были среди школьников и те, кто не соглашался с существующей школьной системой труда. В частности, эта тема поднималась детьми в письмах в редакцию газеты «Пионерская правда»: «Здравствуй, «Пионерская правда»... Каждый год весь Советский Союз проводит коммунистический субботник. В нашей школе № 58 сначала проходит митинг, а потом 1-е, 2-е, 3-и классы идут собирать макулатуру. 4-е, 5-е, 6-е классы собирают металлолом, а 7-е, 8-е, 9-е и 10-е классы идут работать в садах или на заводе. Я учусь в 6 «В» классе, поэтому в этом году мы опять будем собирать металлолом. Но, честно говоря, и идти не хочется на этот субботник потому, что мы собираем то, что никому не нужно. Весь этот металлолом валяется возле школы, а потому ученики младших классов растаскивают его по школьному участку. Или жители, которые живут рядом со школой, выбирают себе "лакомые кусочки". А то, что остается, года лежит на том же месте, и никому до этого и дела нет. Так зачем же собирать то, что никому не нужно? Лучше мы в садах поработаем, и то больше пользы будет» [Обзор почты..., л. 20]; «Здравствуй, дорогая редакция! Пишет Вам Юлия К. Мне 13 лет, учусь в 7-м классе. У меня к Вам есть просьба разъяснить такую ситуацию, я сейчас расскажу. Вам, наверное, известно, что сейчас в 7-х классах введено УПК. Так вот, дают профессии ученикам на выбор и швеи, и медика, и повара, и воспитателя и т.д. Нашей школе дали всего на девочек 2 профессии! Да и мальчишкам не больше. Интересно, какой же тут выбор?! На девочек дали маляра и повара, а я хочу поступать в медицинский и многие тоже хотят идти по своему желанию на большие понравившиеся профессию... Вот и получается, что ты идешь туда, куда тебя запишут, а это же профессия, надо ее выбирать... Я пошла к нашей классной руководительнице и спросила у нее, почему так все получается. Она согласилась с моим мнением и сказала, что наша школа не успела. Я не могу понять, как это «не успела», что, в нашей школе хуже ребята, чем в других школах?» [РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 3. Д. 906. Л. 30].

Со второй половины 1980-х гг. отношение к пионерии и комсомолу в детском сообществе стало меняться. Всесоюзный социологический опрос 1990 г. подтверждал это. Так, на вопрос «Нравится ли тебе быть пионером?» только 42% школьников-участников опроса ответили положительно. Остальные ответы распределились следующим образом: 30% не нравится быть пионером, 20% не знают, как ответить, а 6% совсем не ответили. Среди причин того, почему же не нравится быть в пионерской организации, были такие: «Мне в ней скучно, неинтересно – 31%; здесь много слов, но нет настоящих дел, не видно результата – 19%; я не приобретаю ничего полезного для жизни – 17%; все решают взрослые, у пионеров нет самостоятельности – 14%; в ней хорошо только активистам – 9%; нет дружбы, товарищества – 8%; не помогает мне развивать способности, заниматься любимым делом – 8%». При этом социологи отмечали тенденцию: вера в коммунизм у подрастающего поколения школьников убывала по мере взросления: «Если среди 10-летних в построение коммунизма верят 39%, то в 15 лет таких ребят только 13%» [Откровенный разговор..., л. 38, 57, 58].

Идеал и приоритетность пионерии, будущего статуса комсомольца постепенно уходили на второй план в системе значимости для школьников и школьниц конца 1980-х гг. В редакцию газеты «Пионерская правда» приходили тревожные письма школьников: «В нашей дружине пионерская работа ведется на среднем уровне. Некоторые пионерские отряды существуют только на бума-

ге, для галочки» [Обзор почты..., л. 22]. Ученица 8 «А» класса г. Шадринска писала: «Решила я вступить в комсомол. Собрали нас всех, кто хочет, и начали проводить занятия. И вот на третьем "уроке" нам объявляют, что если кто-то не сдаст 30 кг макулатуры в определенный день, то его в комсомол не примут. Ведь из-за этих кг и достоинств, у ребят пропадает охота ко всему. Я хочу знать, в каком таком документе написано, что вступающий в комсомол должен сдать 30 кг макулатуры? Это меня интересует и еще многих моих друзей и одноклассников» [Обзор почты..., л. 4]; «Прошу редакцию "Пионерской правды" помочь мне разобраться в моих еще не созревших мыслях. Мама у нас работает дояркой в колхозе. Мы очень часто со своими сестренками ходим помогать маме на ферму доить коров, так как она одна нас воспитывает 5 человек, а отец больной. Мама у нас прямой, честный человек и не любит лжи, она нас учит всегда говорить только правду. Из-за этого зоотехник Н.И. так вульгарно ругала мамом при моих одноклассниках, что мне было настолько стыдно, что я проплакал всю дойку и долго не мог успокоиться. А на второй день тов. Н.И. избил мою маму, и ее освободили от работы. В октябре нас будут принимать в комсомол. Как же после этого верить руководителям, а ведь она коммунист, председатель народного контроля, председатель общества трезвости. Учителя нам дают напутствие оставаться работать в колхозе, но как ведут себя наши руководители, хочется только бежать из села», – писал ученик 7-го класса Смольковской 8-летней школы Лямбирского района Мордовской АССР [Там же, л. 5].

На кого же тогда хотели быть похожими школьники 1980 – 1990-х гг.? Как показал анализ личных документов, для школьников первой половины 1980-х гг. значимыми фигурами (кумирами) являлись пионеры-герои, молодые коммунисты. Из дневника Евгения З.: «10-е апреля. Ульяна, ты-почеховски прекрасна. Ты для меня станешь примером в жизни. Слышишь, Ульяна, это ты с нами незримо присутствуешь на комсомольских собраниях, на воскресниках, сидишь с нами на уроках. Посоветую моим подшефным октябрятам, будущим пионерам, бороться за присвоение звания отряду имени Ульяны Громовой» [«Я голосую за мир!» – конкурсное сочинение, посвященное 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, XII Всемирному фестивалю молодежи и учеников 8-го класса Ястрембельской школы-интерната Барановичского Района Брестской области // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 41. Д. 916. Л. 26].

«Мне посчастливилось познакомиться с одной из лучших комсомолок нашей республики – это механизатор Фарабского межхозяйственного объединения "Госкомсельхозтехника" Гуляндам Халбаева. Ранняя весна. Жаркая это пора для механизаторов. Пора подготовки земли для нового урожая. Поле напоминает место боя. Главное оружие здесь – тракторы, бульдозеры. Одним из них управляет маленькая хрупкая девушка с умными темными глазами. Это и есть Гуляндам. Сразу после окончания школы пошла она работать механизатором. Эта смуглая нежная девушка – человек необыкновенной твердости, внутренней силы... Смотрю я на умное, сосредоточенное лицо этой девушки и представляю себе...» [Сочинение на тему «Мы за партией идем, слава Родину делами» ученицы 7 «А» класса средней школы № 15 города Чарджоу Туркменской ССР // РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 41. Д. 800. Л. 222].

Однако к началу 1990-х гг. ценностная картина подрастающего поколения школьников стала меняться. По данным всесоюзного социологического опроса 1990 г. школьники уже меньше всего хотели подражать комсомольцам и коммунистам. Их кумирами и героями становились все в большей степени современники, те, кто существовал в их жизненном поле. А это, как показывали опросы, были родители (48% от числа опрошенных), певцы–исполнители современной музыки (19,6%), спортсмены (19,6%), артисты кино, театра (14%), герои книг, кинофильмов, спектаклей (12%). Примечательно и то, что 20% школьников от числа опрошенных хотели быть похожими прежде всего на самих себя [Откровенный разговор..., л. 54].

Менялись ожидания школьников относительно предлагаемой им в повседневной жизни культуры чтения. Так, во второй половине 1980-х гг. стали формироваться новые читательские интересы школьников. Из писем в редакцию газеты: «Дорогая "Пионерка"! В некоторых школах и классах, у многих ребят сложилось впечатление о том, что, мол "Пионерку" читают только всякие там отличники да всякие дутые активисты. Конечно, это не так. Но все же тебе "Пионерка", следовало бы подтянуться, подняться до уровня всех мальчишек и девчонок, доступного всем интересам – от октябратского до комсомольского! Нужно, чтобы ты печатала не только пионерский материал, но и всякую рекламу, детективы, и те же пионерские дела, то есть, чтобы ты

была разносторонней газетой, отображающей все круги любопытства и интереса... Потому что сейчас газета, я считаю, переживает переломный период, она стоит на грани новой жизни, новой моды...» [Обзор почты..., л. 17]. «Здравствуй, "Пионерка"! Неужели тебе нечего печатать, кроме того, что все знают? По-моему и ты, наш пионерский соратник и друг, должна перестроиться. С большим интересом я читаю повести К. Булычева, интересуюсь рассказами о жизни пионеров других стран, некоторыми событиями в нашей стране. Я разговаривала со многими девочками и мальчишками и из нашего дома, и из класса. Очень много ребят любят читать то, что с большим интересом читаю и я, и взрослые... По-моему, ты станешь интереснее, если начнешь печатать только то, что интересует твоих читателей: современные песни, интересные рассказы, фантастические истории, различные события, рассказы о дружбе... Я очень хочу "Пионерка", чтобы ты стала как можно больше интересной, чтобы мои ровесники с увлечением читали тебя, а не просто приносили на политинформации. Стань интересной, прошу тебя!» [Там же, л. 18].

Повседневность взрослых, изменяясь, влияла на повседневный мир детей 1990-х гг. Традиционные ценности советской культуры, которые школа продолжала транслировать в 1980-е гг., со второй половины 1980-х гг. начали расходиться с жизненными реалиями. Так, в личных дневниках школьниц 1990-х гг. (первый дневник принадлежит ученице 7-го класса школы № 1 города Анапы Ирине В., велся ею с 18 августа 1997 г. по 2 марта 1999 г., второй дневник – ученице 10-го класса школы-лицея № 90 города Краснодара Елене Б., велся ею с 22 июня 1998 г. по 21 августа 1999 г.) отражались уже иные практики чтения, увлечений. Авторы обоих дневников демонстрируют интерес к новому периодическому изданию того времени «COOL», «COOL girl»: «Мама покупает каждый месяц "COOL". Мне он очень нравится. Там еще есть (в каждом номере) статьи: «Школа любви». Там такое! И про секс и про все такое. Короче "COOL" - это круто!»; «В мое отсутствие мама покупала мне журналы «COOL» и «COOL girl»... В «COOL girl» я читала рубрику «Девочка глазами мальчишек». Я узнала, что девочка должна быть: недоступной, неболтливой, одеваться только в то, что ей идет, не говорить о бывших парнях... Характер должен быть спокойным (а я ведь точно такая)» [Дневник Елены Б., с. 20]. Новые периодические издания, которые завладели подростковой аудиторией становились для школьниц значимыми трансляторами не только знаний в разных областях, но и своеобразных образов того, какими должны быть современные мальчики и девочки.

В поле повседневных практик девочек, как показывает содержание дневников, активно входила практика просмотра фильмов. В частности, в дневниках встречаются следующие записи: «Встала в 9.15. Как раз на Роксалану (речь идет о телесериале. – А.Л.)», «Сегодня О., т.е. вчера ночью, принесла кассету «История "О" (США), там такое, что противно смотреть», «С того дня, как я приехала я смотрю по видеку индийские фильмы: родной ребенок, осознание, всемогущий, артист» [Там же, с. 20]. Примечательно, что в дневниках не отразилась практика просмотра детских телепередач.

Природа увлечений девочек заключалась в собирании всякого рода информации о кумирах либо наклейках: «Начала покупать наклейки ХИТ-ПАРАД, прикольно. У нас этим заболели все девки», «В Кургане меня сильной болезнью заразили "Любовь "Иванушек"... У меня и кассета "Твои письма" есть (речь идет о музыкальной группе «Иванушки International». – А.Л.)» [Дневник Ирины В., с. 45].

В дневниках упоминаются также игрушки и игры, которые входили в поле повседневных практик девочек: «Тамагочи», «Денди»: «Мама на Новый год подарила Тамагочи (электронного друга)», «Мой тамагочи растет. Я его кормлю и в туалет вожу». «Я на все махнула рукой и ушла играть в «Денди (речь идет об игровой приставке. – А.Л.)». Поясним, что тамагочи представляли собой карманную электронную игру, внешне оформленную в виде брелка. На экране изображался крошечный инопланетянин, который по легенде создателей (фирма Bandai) не мог дышать земным воздухом и поэтому обитал в скафандре в форме яйца. Детям предлагалось заботиться о нем, так как электронный питомец мог есть, спать, плакать, болеть и даже умирать.

Таким образом, в анализируемых дневниках школьниц стали отражаться новые предпочтения, игровые практики, элементы повседневного языка коммуникации детей, сформированные под воздействием социальных и культурных перемен 1990-х гг.

Пройдет чуть больше десятилетия, и уже в наши дни, в коридоре пришкольного летнего лагеря, на одной из дверей появится девиз: «Мы – дети России, мы – дети тусовки, мы носим банди-

ны, мы носим кроссовки». Неудивительно, что новые поколения школьников называют себя по-новому. В этом в очередной раз видится подтверждение того, что нет одного, универсального, детства, а есть разнообразие детского опыта, детских жизненных миров, без понимания которых будет трудно понять судьбы целых поколений.

Библиографический список

- Алексей С. Школьное детство: транскрипт текста интервью Краснодар, 2011 // Личн. архив А. С. Ляшок.
- Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. статей. Пермь, 2010. 300 с.
- Безрогов В. Г. Мир детства как мир памяти // Московское детство: память поколений. М., 2008. С. 9–15.
- Борисов С. Б. Культурная антропология девичества. Шадринск, 2000. 88 с.
- Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе». Ч. 2. 1940–1990 / сост. В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. М.; Тверь: Науч. книга, 2008. 347 с.
- Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. ст. и сообщ. / сост. А. А. Сальникова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. 146 с.
- Дневник Елены Б. // Личн. архив А. С. Ляшок.
- Дневник Ирины В. // Личн. архив А. С. Ляшок.
- Илюха О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX–начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 304 с.
- Информация оргкомитета, сочинения учащихся, отмеченные дипломами ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения СССР, Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию, Советского комитета защиты мира, по итогам XIII Всесоюзного смотра сочинений учащихся «Я голосую за мир», посвященного 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве, Ч. I (Амурская область – Казахская ССР) // РГАСПИ–ХДМО. Ф. 1. Оп. 41. Д. 916.
- Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, 1988. 270 с.
- Крашенинникова Т. П. Воздействие власти и общества на своеобразие «детского текста»: 1953 // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. ст. и сообщений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. С. 134–138.
- Маркасова Е. В. Сочинения ученика десятого класса в школе и дома (1955/1956 учебный год) // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. статей. Пермь, 2010. С. 110–117.
- Обзор почты, поступившей в газету «Пионерская правда», журналы «Вожатый», «Пионер», «Юный натуралист» за 1987 год // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 906.
- Откровенный разговор о наших детях (Результаты социологического исследования «Дети, подростки и пионерская организация в условиях перестройки») // РГАСПИ–ХДМО. Ф. М-2. Оп. 4. Д. 43.
- Ребенок в истории и культуре: Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4 / под ред. А. С. Обухова, М. В. Тендряковой. М.: Researcher, 2010. 520 с.
- Рожков А. Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002. Т. 1. 408 с.
- Сальникова А. А. Детское письмо и его специфика // Детство в научных, образовательных и художественных текстах: опыт прочтения и интерпретации: сб. науч. ст. и сообщ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. С. 116–123.
- Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007. 256 с.
- Сочинения учащихся, отмеченные дипломами ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения СССР и Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию, по итогам XII Всесоюзного смотра сочинений учащихся на тему: «Мы за партией идем, слава Родину делами», посвященного XIX съезду ВЛКСМ. Ч. IV (Азербайджанская ССР–Туркменская ССР) // РГАСПИ–ХДМО. Ф. 1. Оп. 41. Д. 800.

Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 736 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.08.2012

«CHILDREN OF PERESTROIKA»: LIFE-WORLDS OF SCHOOL-CHILDREN IN THE 1980-1990s

A.S. Lyashok

Institute of Economics and Management in Medicine and Social Sphere, 350042, Krasnodar, Sadovaya st., 218, Russia
lyashok@inbox.ru

The article examines history of the late Soviet and post-Soviet childhood. The basis of the author's conviction is the appearance of a new generation of children - "the generation of perestroika" in the 1980s. The formation of a new school children's worldview is recognized as one of the key problems. The social and historical context of childhood of the 1980s – 1990s is reconstructed through the lens of children's texts. Some personal documents created by children themselves and therefore able to preserve natural language and children's way of thinking are under investigation, such as school compositions, children's letters to the newspaper "The Pioneer Truth", handwritten diaries of schoolgirls. The author uses sources from the collection of the Russian State Archive for Social and Political History (Materials of School Department of the Youth Komsomol Central Committee and of the Central Council of the All-Union Pioneer Lenin Organization). Another group of sources are the series of in-depth interviews with the informants of 1975-1985 years of birth. Based on the analysis of children's texts the article reveals the diversity of individual practices of inculturation of pupils, shows changes in the attitude to the Pioneers and Komsomol in children's community, the emergence of new idols, the formation of new reading interests. The author pays attention to the emergence of new preferences, gaming practices, elements of everyday language of communication, formed under the influence of social and cultural changes of the 1990s.

Key words: pupils, school compositions, letters of pupils, handwritten diaries.

References

- Aleksey S. Shkol'noe detstvo: transkript teksta interv'yu Krasnodar, 2011 // Lichn. arkhiv A. S. Lyashok.
Antropologiya sovetskoy shkoly: Kul'turnye universalii i provintsial'nye praktiki: sb. statey. Perm', 2010. 300 s.
Bezrogov V. G. Mir detstva kak mir pamyati // Moskovskoe detstvo: pamyat' pokoleniy. M., 2008. S. 9–15.
Borisov S. B. Kul'turanthropologiya devichestva. Shadrinsk, 2000. 88 s.
Gorodok v tabakerke: Detstvo v Rossii ot Nikolaya II do Borisa El'tsina (1890–1990): antologiya tekstov «Vzroslye o detyakh i deti o sebe». Ch. 2. 1940–1990 / sost. V. Bezrogov, K. Kelli, A. Piir, S. Sirotina. M.; Tver': Nauch. kniga, 2008. 347 s.
Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii: sb. nauch. st. i soobshch. / sost. A. A. Sal'nikova. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2011. 146 s.
Dnevnik Eleny B. // Lichn. arkhiv A. S. Lyashok.
Dnevnik Iriny V. // Lichn. arkhiv A. S. Lyashok.
Ilyukha O. P. Shkola i detstvo v karel'skoy derevne v kontse XIX–nachale XX v. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2007. 304 s.
Informatsiya orgkomiteta, sochineniya uchashchikhsya, otmechennye diplomami TsK VLKSM, Ministerstva prosvetsheniya SSSR, Gosudarstvennogo komiteta SSSR po professional'no-tekhnicheskomu obrazovaniyu, Sovetskogo komiteta zashchity mira, po itogam XIII Vsesoyuznogo smotra sochineniy uchashchikhsya «Ya golosuyu za mir», posvyashchennogo 40-letiyu pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne, XII Vsemirnomu festival'yu molodezhi i studentov v Moskve, Ch. I (Amurskaya oblast' – Kazakhskaya SSR) // RGASPI–KhDMO. F. 1. Op. 41. D. 916.
Kon I. S. Rebenok i obshchestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva. M.: Nauka, 1988. 270 s.
Krashenninnikova T. P. Vozdeystvie vlasti i obshchestva na svoeobrazie «detskogo teksta»: 1953 // Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii: sb. nauch. st. i soobshcheniy. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2011. S. 134–138.
Markasova E. V. Sochineniya uchenika desyatogo klassa v shkole i doma (1955/1956 uchebnyy god) // Antropologiya sovetskoy shkoly: Kul'turnye universalii i provintsial'nye praktiki: sb. statey. Perm', 2010. S. 110–117.
Obzor pochty, postupivshey v gazetu «Pionerskaya pravda», zhurnaly «Vozhatyy», «Pioner», «Yunyy naturalist» za 1987 god // RGASPI. F. 2. Op. 3. D. 906.
Otkrovennyy razgovor o nashikh detyakh (Rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya «Deti, podrostki i pionerskaya organizatsiya v usloviyakh perestroyki») // RGASPI–KhDMO. F. M-2. Op. 4. D. 43.
Rebenok v istorii i kul'ture: Tr. seminarov «Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki». Vyp. 4 / pod red. A.S. Obu-

khova, M.V. Tendryakovoy. M.: Researcher, 2010. 520 s.

Rozhkov A. Yu. V krugu sverstnikov: zhiznenny mir mladogo cheloveka v sovetskoy Rossii 1920-kh gg.: v 2 t. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2002. T. 1. 408 s.

Sal'nikova A. A. Detskoe pis'mo i ego spetsifika // Detstvo v nauchnykh, obrazovatel'nykh i khudozhestvennykh tekstakh: opyt prochteniya i interpretatsii: sb. nauch. st. i soobshch. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2011. S. 116-123.

Sal'nikova A. A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. Kazan', 2007. 256 s.

Sochineniya uchashchikhsya, otmechennye diplomami TsK VLKSM, Ministerstva prosveshcheniya SSSR i Gosudarstvennogo komiteta SSSR po professional'no-tekhnicheskomu obrazovaniyu, po itogam XII Vsesoyuznogo smotra sochineniy uchashchikhsya na temu: «My za partiyu idem, slavya Rodinu delami», posvyashchennogo XIX s'ezdu VLKSM. Ch. IV (Azerbaydzhanskaya SSR–Turkmen'skaya SSR) // RGASPI–KhDMO. F. 1. Op. 41. D. 800.

Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 736